

Как дурак ума набрался

Один дурак, по прозвищу Бусарь, хотел умным стать. Пошёл он к умнику Науму и спрашивает:

- Как бы мне ума набраться?
- Проще простого, – отвечает Наум. – Ум откуда выходит?
- Откуда? – спрашивает дурак.
- Ясное дело – изо рта.
- Это почему?
- Пока умный молчит, никто про его ум не узнает, а как заговорит, речь польётся – так ум и обнаружится. А куда ум заходит?
- Куда? – спрашивает дурак.
- В уши. Потому как речи умные ушами слушаем. Теперь понимаешь, что надо делать?
- Что? – не догадывается дурак.
- Как умные речи кто будет говорить, ты уши свои ему ближе ко рту подставляй, чтобы побольше ума в твою голову вошло.
- Ох и умный ты, Наум, как я сам об этом не догадался, – говорит Бусарь. – Может, поделишься своим умом? Я тебе заплачу.

-
-
-
- Сколько?
 - Рубь серебром.
 - Годится, — согласился Наум, — подставляй ухо.

Дурак дал Науму деньги, подставил ухо, а Наум стал ему мудрые мысли наговаривать:

— Ум — что гора, с него далеко видать. Без ума человеку — сума. Красна птица пером, а человек — умом. Не живи чужим умом, живи своим разумом. Где ум, там и толк. Ум да разум — и денег не надо.

Говорил, говорил Наум мудрые речи да и заснул. Челюсть у него отвисла — рот открылся. Дурак на него смотрит и думает: «Увидеть бы, что за ум у Наума». Стал он ему в рот заглядывать, а во рту темно, ничего не видно. Зажёг тогда дурак лучину, поднёс её ко рту — усы и борода у Наума загорелись. Тот вскочил.

— Ах ты, дурья башка! Спалить меня вздумал! — заорал он. Намял бока дураку да и прогнал его прочь.

Идёт Бусарь, бока почёсывает. Повстречался ему мудрый Кудрий, худая одежонка, набекрень шапчока.

— Отчего, — спрашивает мудрый Кудрий у дурака, — ты хмурый такой? Рассказал ему Бусарь, как дело было. Кудрий ему и говорит:

— Перемудрил Наум. Ума можно проще набраться.

— Как же?

— Кто шибко умный, у того излишки ума из головы выходят и под шапкой собираются. Коли шапку с умной головы поносишь — ума наберёшься.

Смотрит Бусарь на старую шапчонку мудрого Кудрия:

— А ты, вижу, умный мужик. Дай мне твою шапку поносить.

— Недёшево стоит.

— Сколько?

— Два рубля серебром.

— Годится, — согласился Бусарь.

Купил дурак старую шапку, надел её и пошёл довольный. А мудрый Кудрий вмиг исчез. «А как же узнаю я, что ума набрался? Про то мне не сказал мудрый Кудрий», — задумался дурак. Повстречался ему хитрый Дмитрий, голова лохматая, борода кудлатая.

— Что такой задумчивый? — вопрошает.

Рассказал ему всё Бусарь и спрашивает:

— Как теперь узнать, что я ума набрался? Сколько мне в этой шапке ходить?

Рассмеялся хитрый Дмитрий и говорит:

— Провели тебя эти умники и мудрецы. Ум никак сам выйти не может, ни из головы, ни изо рта.

— Ах они мошенники, плутишки, негодники, воришки! — ругается дурак.

А хитрый Дмитрий говорит:

— Хоть это и сложно, но извлечь ум можно.

Дурак утихомирился.

— Как же? — спрашивает.

— А вот как: надо взять волосы с умной головы. В них ум, как корень в землю, вырастает. Потом волосы с умной головы поджечь надо. Ум вместе с дымом из волос будет выходить — тогда надо дым этот глотать, чтобы он в твою голову зашёл.

— Ишь, как хитро придумал, — удивляется Бусарь. — Ты, видать, умный. А не продашь ли мне свои волосы?

— Недёшево стоят.

— Сколько?

— Три рубля серебром.

— Согласен, — говорит дурак.

Пошли она к брадобрю. Тот сбрил хитрому Дмитрию шевелюру и бороду. Дурак за них отдал три рубля.

— А как, — спрашивает, — я узнаю, что ума набрался?

— Когда мой ум с дымом в твою голову будет входить, ты кашлять да чихать начнёшь. Но терпи. Как начихаешься да накашляешься, значит, набралась голова ума.

Сказал это — и быстрее прочь. А Бусарь подпалил волосы хитрого Дмитрия — повалил дым. Начал он этот дым глотать. Дым глаза разъедает, в горле застревает — дурак терпит, старается побольше дыма наглотаться. Начал его чих разбирать да кашель душить. «Вот, — думает дурак, — ум в голову пошёл.» Пока борода да шевелюра хитрого Дмитрия горели, он всё кашлял да чихал. А как ума набрался, домой довольный отправился.

Бажица

Случилось это в царстве Березань. Была у березанского царя дочь-красавица. Пришло время — заневестилась молодая царевна. Женихи гурьбой к ее дворцу спешат. Красотой и богатством не сравнится с ней ни одна из заморских принцесс. Волосы у красавицы черны как смоль, глаза — как смородиновые ягодки, уста — что арбузная мякоть. Нравом она весела, станом стройна.

Вот приехал к ней свататься чародей из дальних стран. Был он старым и безобразным. Очень хотелось ему получить в жёны богатую красавицу.

Как увидела его царевна, рассмеялась и говорит:

— У меня тятенька моложе тебя, дедушка. Что ты с молодой женой будешь делать? Я в салочки люблю играть. А ты сможешь ли поиграть со мной? Ну-ка догони меня!

И пустилась бежать. Чародей кряхтит, на одну ногу припадает, где ему угнаться за молодой красавицей. А она смеётся, словно звоночек звенит, по палате бегают:

— Моя кошка бойчей тебя скачет, дедушка!

— Ах так! — разозлился чародей. — Будешь ты теперь сама кошкой до тех пор, пока тебя, кошку, замуж кто-нибудь не позовёт!

Стукнул он посохом об пол. Пошел гул по дворцу, померк свет, заколебалась земля, попадали светильники на пол. Вот тут-то и превратилась царевна в чёрную кошку. Такая суматоха во дворце поднялась, что никто этого и не заметил. И чародей исчез, будто его и не бывало.

Мечутся мамки, няньки туда-сюда; стрельцы, слуги носятся по дворцу, ищут царевну — нет её нигде. Так и решили все, что похитил царскую дочь злой чародей. А чёрную кошечку, что бегала по палатам, гнали все прочь:

— Брысь! Пошла отсюда!

— Откуда эта чёрная кошка взялась?! Бегает, беду накликает.

— Прогоните её вон из дворца!

Хочет царевна слово молвить — да только мяукает. Слуги её выгнали, ворота затворили. Оказалась кошечка-царевна без батюшки с матушкой, без добра, без слуг и вовсе без крова. Побрела она по улицам. Слезы из глаз её капаят, хвостик по дорожной пыли волочится.

Увидели чёрную кошку мальчишки.

— Бей её! Гони! — кричат.

И давай швырять в неё камни, палки. Кошечка от страха ни жива ни мертва. «Всё, — думает, — смерть моя пришла». Так бы и зашибли её злые озорники, если б не молодой плотник Иона. Шёл он мимо по улице, увидел, как маленькую кошечку мучают. Жаль ему стало её. Взял он длинную хвостину, махнул ею раз, махнул другой.

— А ну разбегайтесь! — кричит. — А не то угощу вас сладким хвостом!

Мальчишки разбежались в разные стороны. Иона взял кошечку, погладил её:

— Вишь, чёрная какая, как сажа. Будешь Сажицей.

Так и назвал Иона кошечку Сажицей. Принёс её домой, стала она жить у молодого плотника. Иона — парень добрый, он кошечку вовремя накормит, по шёрстке погладит, доброе слово молвит:

— Ах ты Сажица проворная, шёрстка чёрная, глаза зелёные, коготки точёные, ты откуда взялась?

И невдомёк ему, что живёт в его доме природная царевна.

А уж Сажика как полюбила своего хозяина! Благодарна была ему за спасение. Иона только порог переступит — та уже об ноги трётся, Иона сядет — она прыг ему на колени. Он только приляжет — кошечка на груди устроится, песни ему мурчит. Она его и языком причешет, и лапкой погладит, утром лапти ему в зубах принесёт. Иона не надивится на свою кошечку: уж такая она ласковая да разумная, каких он прежде не видывал.

— Да ведь и животинка не без сердца, — говорит ему мать, — понимает, что ты её от смерти спас. Вот и ласку тебе держит-выказывает.

Построил плотник Иона для неё маленький теремок резной, затейливый весь в деревянных кружевах, окошки со ставенками, дверца дубовая. В теремке кровать кленовая, на ней перина пуховая, простынка льняная — кайма вышивная. Так дивно теремок сделал, что со всей слободы приходили на домик Сажика полюбоваться.

— В таком теремке и царевне не зазорно пожить, — хвалили они молодого плотника.

А тот говорит:

— Моя Сажика и так собой пригожа, на царевну похожа.

А Сажика в теремке на перинке клубочком свернётся, один глаз прижмурит, другим посматривает: что там Иона подделывает, скоро ли топорик в сторонку отложит. Как Иона работу закончит — тут уж она от него ни на шаг.

И всё было бы хорошо, коли забыла бы кошечка, кем она прежде была. Сильно печалилась царевна-кошечка, что лишилась человеческого облика, бывало, и всплакнёт, и слезу прольёт.

— Чудная у меня кошка, — дивился плотник, — плачет, как человек, лапкой слёзы стряхивает. Неспроста это. Что-то тут нечисто. Живет у меня как царевна. Что за печаль её гложет?

А кошечка рада бы всё рассказать, да не может.

Случалось так, что пропадала кошечка — бегала она к своему дворцу, скучала сильно по матушке с батюшкой. Походит-походит вокруг, погуляет ночью по садику да и опять к Ионе вернётся. Кто её узнает в кошачьем облике? Так и жила она у молодого Ионы в плотницкой слободе.

Пошёл как-то Иона на охоту. Сажика дома осталась. Долго бродил по лесам и полям. Поздним вечером проходил он мимо Волчьей чащи, где жила

Злыдня Леснушка. Увидела его Леснушка и решила заманить к себе в чашу. Обернулась она красной девицей, выбежала из чаши и стала кричать, на помощь звать:

— Ой добрый молодец, спаси моего младшего братца, его волк на дерево загнал.

Побежал Иона за девушкой в Волчью чашу, она его к избе своей привела и обратилась снова Злыдней Леснушкой. На вид она патлатая, на спину горбатая, на один глаз кривая, на одну ногу хромая.

Засмеялась громко и говорит Ионе:

— Будешь у меня жить, мне служить. А коли хорошо послужишь, то в мужья возьму тебя.

— Леший тебе жених! — сказал в сердцах Иона и пошёл прочь.

А Леснушка Злыдня голову ему заморочила, так, что и забыл охотник, в какую сторону ему идти. Блуждает он, блуждает, не может из Волчьей чаши выйти. В какую сторону ни пойдёт — к избе Леснушки вернётся. Ночь настала, а Иона всё по чаще ходит. Понял он, что не одолеть ему своей силой Злыдню. Коли убьёт её, навек в заколдованной чаше останется. Что ему делать? Думает: «Вернусь к Злыдне — буду случая ждать, может, удастся обхитрить её». Делать нечего — зашел Иона в избу Леснушки и говорит:

— Ладно, твоя взяла покуда, буду тебе служить.

Злыдня от радости взвизгнула.

— Вот молодец, Ионушка, куда тебе от меня уйти!

Так попал Иона в неволю к Злыдне Леснушке. Каждый день она его отправляет дрова рубить, зверя ловить, рыбу удить. Он и коренья собирает, и грибы сушит, и крышу ладит, и ворота чинит. А Злыдня и не собирается его домой отпускать, к свадьбе готовится. Наряд себе начала мастерить из шишек сосновых, листов берестовых.

— Вот закончу, Ионушка, наряд — свадьбу сыграем, — хихикала Злыдня.

Каждый день Иона из Волчьей чаши вырваться хочет, да не может: не вспомнит никак дороги домой. Живёт он в кручине. — Не выходит ему никак случай, чтоб одолеть Леснушку, убежать от неё.

А Сажига дома день ждала Иону, второй, третий. На четвёртый поняла, что случилась с ним беда. Побежала она в лес его искать. Бегала, мяукала,

звала Иону, набрела на тёмную чащу. Чутьём почуяла Сажика, что томится здесь молодой плотник. Зашла она в чащу: деревья стоят кривые, ветками крепко друг с другом сцепились. Идёт кошечка, через сухостой пробирается. Видит: стоит изба, мхом затянулась, травой заросла. Спряталась Сажика под кустиком и стала ждать.

Ждала, ждала. Вдруг видит: выходит Иона на крыльцо. Телом он похудел, ликом помрачнел. Закинул за плечо лук и пошёл на охоту. Сажика за ним прыг-прыг. Как отошли они от избы Леснушки, Сажика мяу да мяу. Оглянулся Иона, видит: а это Сажика зовёт его. Обрадовался Иона:

— Ах ты кошечка моя Сажика проворная, шерстка чёрная, глаза зелёные, коготки точёные, как же ты меня нашла? А я вот в неволе у Злыдни Леснушки, не могу домой прийти.

Сажика поняла всё, побежала и Иону за собой манит: дескать, пойдём, выведу я тебя. Иона пошёл за Сажикой, она его и вывела из Волчьей чащи. Пришли они домой, Иона рад-радёшенек. Сажика гладит, целует.

— Эх, — говорит, — Сажика, была б ты красной девицей — женился бы на тебе. А ты пошла бы за меня?

Только он сказал эти слова, как превратилась кошечка в молодую царевну красоты неписаной.

— А как же, — говорит, — не пошла бы, ты меня от злых чар спас!

Рассказала ему всё Сажика-царевна.

— Не откажешься от своих слов, Иона? — спрашивает.

— Да я же не ровня тебе, — говорит Иона. — Ты царская дочь, а я плотник, охотник. Тебя царь за меня не отдаст.

— Неужто в нашем царстве правды нет, чтоб спасителя царевны обидеть? Нет, мой батюшка не таков. Примет тебя как зятя родного.

Приехали Сажика с Ионой во дворец. Царь с царицей, как увидели дочь свою живой и невредимой, до слёз обрадовались.

Через три дня и свадьбу сыграли. А чернокудрую царевну с тех пор так и звали — Сажика.

Половички из травы

Жил Сысой. Был он беден, как хорь степной. Изба без тыну, огородец — с холстину. Во дворе ни телёнка, ни курёнка. А дома вместо постели — солома. Зато детей у Сысои было с полдюжины.

От ребятни не прибыль, а нужда растёт. Еда — сухари да вода, болтушки, затерушки. Хрен с редькой — и то редко. Квас только по праздничкам. Лапти роскошью считались, босиком летом бегали. Пимы на всех одни, да и те дырявы. Всю зиму ребяташки на печи сидели: не в чем было на улицу выйти.

Была у Сысои старшая дочь Фросенька — послушна, хорошенька, одиннадцать годочков, невелика росточком. Горько ей было видеть, как мать с отцом в нужде бьются. А тут еще беда случилась: заболел Сысой, не может на работу ходить. В доме и крошки хлеба не стало. Решила старшая дочь батюшке с матушкой помочь. Утром пошла она на луг, нарвала травы, наплела из неё половичков: каждый половичок длиной с локоток. Понесла их на базар продавать. Выложила товар на землю, сама рядом села на камушек. Идут мимо люди. На Фросин товар посматривают да посмеиваются:

— Вот придумала половичками из травы торговать!

— Ты бы, девка, еще прошлогодних листьев набрала да и продавала.

Рядом толстуха Фефёла пирожки с маком продавала. Уж она стала над Фросенькой потешаться:

— Половички из травы — все равно, что пирожки из глины, — один в них толк.

Фросеньке горько всё это слушать. Сидит она, молчит, головку опустила, нет-нет да и слезу смахнёт. Но домой не уходит. Дома братья и сёстры голодают, ужин поджидают. «Вдруг, — думает Ефросинья, — найдется кто — купит у меня хоть один половичок».

Прошел день, вечер наступил.

— Ты, видать, цену высокую ломишь, — посмеивается толстуха Фефёла.

Торговка распродала свои пирожки, довольная пошла домой. Все разошлись с рынка, один гончар Назар остался. Он горшками торговал. Видит Назар: сидит на камушке девочка, а перед ней половички из травы. Жалко ему стало бедняжку. Подошел он и говорит:

— Продашь ли мне товар свой за рублик?

— Продам! — обрадовалась Фрося.

Купил он Фросины половички из травы, домой их принес и скотине отдал. А Фрося от радости себя не помнит, побежала в лавку, купила плюшек, ватрушек, сдобных булочек. Домой принесла, всех накормила. Весело в избе стало.

На другой день проснулась Фрося чуть свет, побежала на лужок, нарвала травы, наплела половичков и опять на базар понесла. Села на прежнее место. Толстуха Фефёла снова рядом пирожками с маком торгует, над бедняжкой Фросей пуце прежнего потешается:

— Наша торговка опять здесь. Видать, вчера выгодно ковры свои продала, за сто деньгов!

Фрося молчит, голову к земле клонит. Целый день просидела девочка на рынке. Прохожие только посмеивались:

— Смотри-ка, половички из травы! Редкий товар, заморский, покупай по горстке!

Вечером опять подошёл к ней добрый гончар Назар.

— Продашь ли мне половички за рублик? — спрашивает.

— Продам, дяденька!

Принёс Назар половички из травы домой и скотине отдал. А Фрося побежала в лавку, купила пирогов подовых, пряников медовых. Домой принесла, всех накормила, угостила.

Так же и на третий день: встала Фрося до свету, половичков наплела, на базар понесла. На камушек села, товар перед собой на землю выложила. И толстуха Фефёла тут. Рада потешаться над бедняжечкой:

— Наша торговка устроилась ловко: траву рвёт да продаёт.

Фрося молчит, только головку к земле клонит. А Фефёла совсем расхотелась:

— Ты, видно, на голову слаба, коли целый день сидишь здесь без толку.

Не выдержала Фрося и горько расплакалась. От обиды слёзы так и полились рекой — не может их удержать.

Вдруг послышался отовсюду перезвон, будто десятки серебряных колокольчиков зазвенели. Смотрят люди вокруг — дивятся: ни храма, ни колокольни рядом нет — звон будто из воздуха струится. Появилась тут между торговых рядов Прекрасная Дева. На ней платье синее, алый плащ огнём горит, и дивное сиянье исходит. Все вокруг так и замерли. А Дева прямо к Фросеньке направилась. Подошла, наклонилась, платочком белым слёзы ей утёрла и говорит ласково:

— Какие красивые половички ты продаешь!

Погладила она их рукой — и тут же преобразились те в драгоценные ковры из бархата, золотыми нитями шитые, серебряными лентами украшены. Все так и ахнули.

— Такие ковры дорогого стоят, куплю я их у тебя, — сказала Дева и протянула Фросе узелок с монетками. — Завтра пойдёшь в Знаменскую слободу к ковровщице Маше. Она тебя научит ковры ткать, будешь ты знатной мастерицей.

Подошла Дева к толстухе Фефёле.

— С чем пирожки у тебя? — спрашивает.

— Пирожки маковы с корочкой лаковой, — купите, барыня, — обрадовалась толстуха.

«Ну, — думает, — и мне сейчас денег отвалит!»

Взяла Дева пирожок, надломил его:

— Да он у тебя с глиной! — и бросила его на поднос.

— Как с глиной?! — взвизгнула Фефёла.

Глядь — а вместо мака и правда глина из пирожка вывалилась. Толстуха другой пирожок надломил — и там глина. Так же и в третьем, и в четвёртом.

А Прекрасная Дева подошла к гончару Назару и говорит:

— За то, что из жалости покупал ты половички из травы у бедной девочки, прими в дар эти ковры. Да только скотинке своей не стели их, — рассмеялась она и быстро прочь ушла. Не видели, откуда появилась, не заметили, куда ушла.

Так избавила Фрося родителей своих и братьев с сёстрами от нужды. Выучилась на ткачиху. Такие ковры дивные вышивать стала — всем на загляденье.

А у толстухи Фефёлы ещё долго пирожки с глиной пеклись: чем бы их ни начиняла, вытащит из печи, надломит — из них глина лезет. Её стали все звать Фефёла-мазанка.

